

Ольга Остроумова знает, что актрисе нужно всегда быть на плаву, но сама не следует этому

В телефонном разговоре перед встречей мы оговорили с Ольгой Михайловной Остроумовой тему нашей предстоящей беседы, и я полагал, что актрисе Театра им. Моссавета, проработавшей в своей профессии почти три десятка лет, будет легко говорить о ней. Я ошибся. Уже под конец интервью, когда мы заговорили о том, что дала ей самой профессия актрисы, Ольга Михайловна, подумав, сказала:

— «Разумнее она меня не сделала, это точно».

Когда мы заговорили о ее сокурсниках по ГИТИСу, о большинстве она говорила в превосходных степенях: очень талантливый. Но едва я стал расспрашивать о дальнейшей судьбе этих ребят, получалось, что профессиональная жизнь многих не сложилась.

— Почему они не стали работать актерами, ушли?

— Это такая профессия, где нужен либо успех, либо не нужно этим заниматься. Не захочется самому.

— Но успех в театре или кино зависит не только от актера или актрисы лично. Он зависит от многих людей и обстоятельств.

— Конечно. Но один человек будет сам создавать эти обстоятельства вокруг себя. А другой в силу своего характера не будет этим заниматься...

— Как можно создавать обстоятельства?

— Ну как? Быть всегда разными театральными и киношными тусовками, почаще появляться на экране телевизора, постоянно напоминать о своем существовании. Словом, быть на плаву.

— Вы умеете?

— Нет, я этого не люблю. И многим себе напортила. Занималась много семей, рожала детей...

— Но кино очень рано сделало вас знаменитой.

— В кино я начала сниматься еще студенткой и была замечена и зрителями, и режиссерами. Но случился перерыв, и меня перестали приглашать на съемки. Не по чьему-то злomu умыслу — просто мое имя не приходило постановщикам на ум. Но однажды моя фотография появилась на обложке журнала «Советский экран» — и тут же звонок режиссера Ирины Ивановны Поплавской: приглашает меня на роль Василисы в фильм «Василий и Василиса» по Распутину, который она тогда собралась снимать. Увидела — позвала. И эта роль стала, пожалуй, самой удачной из моих киноролей. Так что профессия актерская требует публичности, и, если у тебя внутри нет склонности к этому, у тебя может сложиться совсем другая судьба, будь ты даже очень талантлив.

— Почему же в таком случае вы отказываетесь от интервью, от предложений телевидения? Многие считают такую «публичность» основой успеха и бьются за это всю жизнь...

— Но это их выбор. Возможно, он идет от внутренней сути этих

людей. Наверное, поэтому на пустом месте часто создаются легенды. Создаются осмысленно, нередко с помощью скандалов, путем игры на каких-то примитивных инстинктах публики. Даже не публики — толпы. А я боюсь себя в толпе, боюсь поддаться ее настрою. Наверное, это чувство стадности заложено в самой психике человека. Это состояние трудно контролировать. И уж совсем грех эксплуатировать, зарабатывать на этом популярность. Хотя некоторые идут к славе именно этим путем...

— Вы могли бы привести примеры?

— Не хочу. Я лучше назову достойных людей, которые с уважением относятся к нашей профессии. Мне кажется, Михаил Ульянов безо всяких придуманных легенд является нашим национальным достоянием. Ему незачем орать о себе, искусственно тянуть к себе внимание. Он просто работает.

Я вообще убеждена, что, когда чем-то всерьез занимаешься, это не пропадет. Пусть ты будешь всего лишь песчинкой, но на своем месте полезной, нужной, важной, это все равно лучше, чем оказаться искусственно созданной глыбой, которая все равно рано или поздно развалится.

— Но, согласитесь, многое в профессии актера ему неподконтрольно. Вы зависите от режиссера, который вас может «увидеть» в какой-то роли, но может и не «увидеть», от партнеров, от психологической атмосферы...

— Я могу продолжить перечисленные вами трудности, которые понятны самим актерам, но часто совершенно незаметны сторонним людям...

— Например?

— Ну, например, одна, как я считаю, из моих лучших ролей в кино — Женья Комелькова из фильма «А зори здесь тихие» — была прямо-таки выпрошена мною у режиссера Ростюцкого. Перед этим я сыграла у него же в «Доживем до понедельника» Риту Черкасову, и у нас с ним остались довольно хорошие отношения. Но он почему-то запомнил

меня школьницей, милой девочкой и просто не мог представить меня в роли Женьки, молодой, красивой, с особой женской мягкостью. Дело в том, что в первом фильме я играла практически свою сверстницу. В Москву учиться я приехала из провинции, а там народ взрослеет несколько позже, так что даже студенткой ГИТИСа я выглядела школьницей. Поэтому Ростюцкого понять можно. Позвонила ему, попросила не роль, а только возможность в ряду всех остальных претенденток сняться в пробе. Он согласился и дал роль Женьки.

— Остался доволен, как вы ее сыграли?

— По-моему, да. Многие зависят еще и от материала, который ты играешь. Есть роли такие глубокие, что, сколько ты их не играешь, все не можешь достичь дна. В свое время Гета Яновская, приехав из Ленинграда, поставила свой первый спектакль в Москве — «Вдовой пароход», имевший большой успех. Это рассказ о пяти простых женщинах, живущих в коммуналке. Я там играла Анфису. Это была такая глубокая роль, что каждый спектакль я как бы ныряла, но не могла достать до дна. Это «ныряние», поиск и есть творчество. Но случается, что в материале воды всего по колено, и уже после третьего спектакля скучно и тебе, и зрителю. И думаешь: ну зачем я этим занимаюсь?

— А театральные склоки вам знакомы?

— Когда после ухода Эфроса из Театра на Малой Бронной там постепенно начался развал, переросший в откровенную склоку, я предпочла уйти, чем во всем этом участвовать.

— Скажите, если бы вам удалось вернуть свои 17 лет, вы захотели бы снова стать актрисой? Или выбрали какую-то другую профессию?

— Думаю, человек неволен в выборе своего жизненного пути. Он рожден таким, каков он есть. И в новой своей жизни он совершил бы те же самые ошибки, которые совершал раньше. Он просто не смог бы переделать свою натуру, свою природу. Можно стать более образован-

ным, можно выработать лучший характер — натуру не изменить. Так что даже в другой профессии я осталась бы той же самой.

— Ну хорошо, а если бы тогда при поступлении в ГИТИС вас провалили на экзаменах, что едва не случилось при первом же собеседовании? Что бы вы стали делать?

— Для себя я решила: если не поступлю в театральный институт, пойду в воспитательницы детского сада.

— Почему такой резкий скачок?

— Для меня он совсем не резкий. Детей я всегда любила. Возиться с ними, объяснять им что-то. Я даже считаю, что моя нынешняя профессия близка к этому роду занятий. Актеры тоже что-то объясняют людям со сцены. Свой взгляд на жизнь, на происходящие события. Так что все логично.

— И, видимо, логично, что ваша дочь Ольга тоже выбрала профессию актрисы и в этом году уже стала ею?

— Когда дочь решила пойти в театральный, я начала было отговаривать. А потом подумала: что я делаю? Разве меня родители, брат и сестры отговаривали, когда из своего Куйбышева я пустилась в незнакомую Москву, где не было ни родных, ни знакомых, учиться профессии, о которой в семье никто не имел представления? Так чего же я волнуюсь? Хочет стать актрисой — пусть попытается.

А вообще-то Ольга Михайловна призналась, что еще очень хотела бы стать путешественницей. Вот только боится, что не вынесла бы физических нагрузок, а так...

И еще она хочет жить в деревне. Не на даче, а именно в деревне. Может быть, оттого, что город выматывает. Да и профессия — сплошные физические и психологические перегрузки...

Встречался Леонид ПЛЕШАКОВ.

P. S. Редакция «ВК» сердечно поздравляет народную артистку России, члена общественного совета нашей газеты Ольгу Михайловну Остроумову с ее юбилеем и еще раз признается в любви к ней. Будьте счастливы в творчестве и в жизни!

421
Семья Остроумовых
Ольга

25.09.97